

А. И. Васкул, С. А. Жадовская

КАК ЖИВУТ БЫЛИНЫ:
ИЗ ИСТОРИИ ОДНОГО СКАЗИТЕЛЬСКОГО РОДА
НА Р. МОШЕ

Резюме

Статья основана на материалах, записанных экспедицией МГУ в бассейне р. Моши (Архангельская область) в 1959 г. с участием Ю. А. Новикова. Имеющиеся записи, сопоставленные с текстами, зафиксированными А. Ф. Гильфердингом в этом же регионе, позволяют проследить историю рода былинных сказителей на протяжении почти 100 лет. Текстологический анализ былин, в разное время записанных от представителей одной семьи, показывает генетическую связь и близость на сюжетно-композиционном и формульном уровнях и выявляет некоторые механизмы передачи устной традиции внутри семьи.

Ключевые слова: былины, Моша, Архангельская область, сказительский род, эпическая традиция, А. Ф. Гильфердинг, Ю. А. Новиков, история фольклористики

Anastasiya I. Vaskul, Svetlana A. Zhadovskaya

HOW EPICS LIVE: THE HISTORY OF A FAMILY
OF EPICS PERFORMERS FROM THE MOSHA RIVER AREA

Abstract

The article is based on materials that were recorded by Yurii Alexandrovich Novikov and other members of the 1959 Moscow State University expedition in the area of the Mosh River basin in the Arkhangelsk region. A comparison of these materials with the texts that Aleksandr Fedorovich Gilferding recorded in the same region in the last third of the 19th century allowed us to trace the history of a family of epics performers over a period of almost a hundred years. The textual analysis of recorded *byliny* recited by representatives of the same family at different times shows the genetic continuity of these texts and their

closeness at the plot, composition, and formula levels. It also reveals some mechanisms underlying the transmission of oral tradition within the family.

Keywords: bylina, Mosha River, Arkhangelsk region, family of epics performers, epic tradition, Aleksandr Fedorovich Gilferding, Alexander Hilferding, Yurii Alexandrovich Novikov, history of folklore

DOI 10.31860/2712-7591-2023-3-76-98

В Архиве кабинета фольклора МГУ хранится несколько десятков тетрадей с записями из Архангельской области и Карельской АССР, сделанными с участием студента и аспиранта Ю. А. Новикова. Целью регулярных экспедиций кафедры фольклора МГУ начиная с 1956 г. являлось сплошное обследование мест, где ранее был зафиксирован эпос, а также соседних регионов. «Фольклористы МГУ, — писали позже сами участники экспедиций, — не пренебрегали ни единым упоминанием о былинах, учитывая даже самые незначительные отрывки былин и самые скупые их пересказы, чтобы не только зафиксировать весь запас былевого эпоса на Севере, но и выяснить пути его эволюции» [Новиков, Смирнов, с. 165]. Материалы конца 1950-х — начала 1960-х гг. содержат фольклорные тексты разных жанров (эпические произведения и их пересказы, сказки, песни, заговоры, малые жанры), а также интереснейшие наблюдения о жизни и укладе советской деревни, о различных судьбах жителей Русского Севера. В начале октября 1959 г. студенты Ю. А. Новиков и С. С. Ожегова побывали в деревнях в районе р. Моши.

Моша — правый приток р. Онеги, берущий начало в Большом Мошинском (*устар.* Большом Мошенском) озере. Населенные пункты, находящиеся в ее бассейне, в XIX — начале XX в. входили в состав Каргопольского уезда Олонецкой губернии, а в конце 1950-х гг. — в Плесецкий и Няндомский районы Архангельской области.

Известно, что эпическая традиция в бассейне р. Моши представлена небольшим количеством текстов. Уже А. Ф. Гильфердинг, сделавший в этом регионе первые записи эпоса, отмечал, что здесь «слишком мало остатков эпической поэзии, чтобы можно было судить о ее характере. Былины там, по большей части, перешли в прозаические рассказы в виде сказок, и на Моше остался только один замечательный певец былин (Швецов)» [Гильфердинг, с. 63]. В 1871 г. А. Ф. Гильфердингом было записано девять былин от четырех исполнителей (Н. М. Швецов, А. С. Юрьев, А. Ф. Макушкин, П. С. Малыгин); второй половиной 1870-х гг. датируется запись былины в Мошенском приходе учителем А. Грозовым (от Ф. С. Савиной); в 1903 г. А. В. Марковым

практически случайно были сделаны записи двух былин на фонограф (совместное исполнение С. Е. Гаврилова и А. Е. Стахивой); в 1959 г. Ю. А. Новиковым и С. С. Ожеговой зафиксированы три текста от А. Г. Вавиловой и «воспоминание о традиции» — концевая формула былины о неудавшейся женитьбе Алеши Поповича — от ее родной сестры Т. Г. Пинаевой.

Названные тексты образовали специальный раздел, посвященный традиции Мошинского региона, в т. 20 Свода русского фольклора (серия «Былины»), который подготовлен к изданию сотрудниками Пушкинского Дома Т. Г. Ивановой, Ю. И. Марченко и другими, в том числе авторами настоящей статьи. В подготовке сюжетных комментариев для разделов по эпическим традициям Моши и Каргополя в 2010-х гг. принял активное участие и Ю. А. Новиков.

Благодаря тому что участники экспедиции МГУ тщательно фиксировали не только тексты, но и контекст их бытования и составляли подробные «портреты» исполнителей, мы знаем, что сестры А. Г. Вавилова и Т. Г. Пинаева, жительницы д. Большая Орьма Лимского сельсовета, являлись прямыми потомками (правнучками) сказителя Николая Михайловича Швецова — собеседника А. Ф. Гильфердинга. Таким образом, на Моше удалось записать эпические тексты от представителей одного сказительского рода.

А. Ф. Гильфердинг предварил свои записи биографическими сведениями об исполнителе:

«**Швецов Николай Михайлович**, крестьянин дер. Орьмы Лимского прихода (соседнего с Мошенским), 65 лет, грамотный. Его дед, Леонтий Игнатьевич, славился как знаток былин; занимаясь преимущественно рыболовством на р. Моше, он брал с собою внука, который тут и наслышался от него былин, потому что дед во время рыбной ловли почти всегда певал. Сам Швецов мало занимается рыболовством, а более „крестьянствует“, по зимам же обыкновенно ездит к Белому морю, в Сороку, покупать там сельдей, которые доставляет для продажи в Вельск, Верховажье и Вологду. Он один из самых зажиточных крестьян в его местности. Один из его сыновей, по словам Швецова, перенял почти все былины, которые он знает» [Онежские былины, с. 541].

Приведем теперь фрагменты из полевого дневника Ю. А. Новикова и С. С. Ожеговой, касающиеся биографических данных исполнительниц середины XX в.:

«**Пинаева Татьяна Григорьевна**, 63 года, неграмотная.

Правнучка довольно значительного мастера былин — Николая Михайловича Швецова, от которого в 1871 году записывал былины А. Ф. Гильфердинг. Сама былин не поет и никогда не пела, но рассказать бы, конечно,

могла. Однако нас отправила к сестре Авдотье Григорьевне. Зато рассказала прекрасные сказки. Татьяна Григорьевна родом из Малой Орьмы, а замуж вышла сюда. Староверка, поэтому живет по строгим законам: не допускает, чтобы в избе пили водку, курили; сама не пьет чай, обходясь только кипятком, и, конечно, традиционное: „У нас из ковшика водицьку не пьют“. К соседям, по-моему, вообще не ходит, да и у нее бывают нечасто. Нам потом так и объясняли, когда мы сменили квартиру: „К Татьяне заходить боялись“. И в то же время Татьяна Григорьевна рассказала нам больше других, и рассказала с несомненным мастерством. Весь сказочный репертуар Т(атьяна) Гр(игорьевна) переняла от своей матери — Настасьи Васильевны. А дедушко — Василий Николаевич Швецов, видимо, и был тем самым сыном Ник(олая) Мих(айловича) Швецова, который, по словам А. Ф. Гильфердинга, перенял почти все былины. Татьяне Григорьевне знакомы имена Ильи Муромца, Алеши Поповича, Добрыни, Чурилушки Семиплёнковича, т. к. об этих богатырях пела ее мать. Знакомо ей имя и Хотена Блудовича (Хотеня Збудовица), хотя мать ее этой былины не знала. Песни Т(атьяна) Гр(игорьевна) знает хорошо, и неплохие песни, действительно старинные, но петь уже не может — дыхания не хватает»¹.

Из этих сведений можно, помимо прочего, определить место жительства Н. М. Швецова и его потомков. Деревень под названием Орьма в рассматриваемой местности две, и в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг не записал, в какой из них проживал его собеседник. Судя по тому, что Т. Г. Пинаева первоначально жила в д. Малая Орьма, можно предположить, что и ее прадед и следующие поколения жили там же.

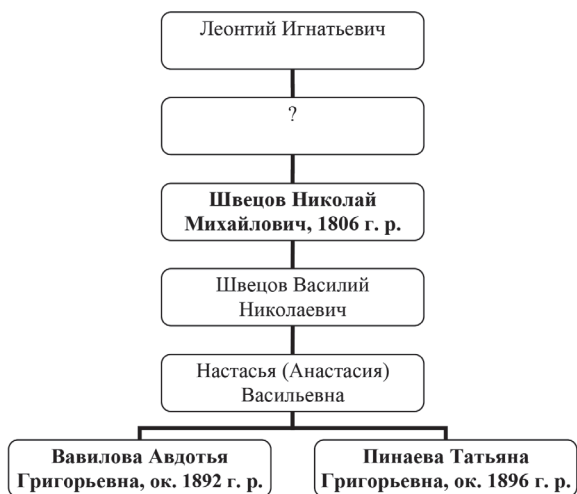
«Вавилова Авдотья Григорьевна, 67 лет, грамотн(ая).

Авдотья Григорьевна, как и ее сестра Татьяна Григорьевна, староверка и даже была в Орьме негласным „попом“ староверов. Это накладывает отпечаток на поведение человека. Многолетняя замкнутая жизнь выработала какое-то отчуждение от людей, стремление к одиночеству. Даже четырехлетняя жизнь в г. Иваново, неоднократные поездки в Москву мало изменили эти стороны ее бытия. И несмотря на то что А(вдотья) Гр(игорьевна) знает много сказок-бывальщин и любит их рассказывать (свидетельства односельчан), нам не удалось их добиться. Важную роль здесь сыграло, конечно, сознание „греховности“ рассказывания сказок. Но „старины“ А(вдотья) Гр(игорьевна) рассказала все, какие знала. Переняла от матери — Настасьи Васильевны, внучки Н. М. Швецова (Гильфердинг, № 304—312). Мать пела только эти три былины и некоторые духовные стихи. Умерла она около 20 лет назад.

¹ АКФ МГУ. ФЭ-03: 5103—5104.

А(вдотья) Гр(игорьевна) былин никогда не пела, но раньше умела рассказывать „складно“, теперь во многих местах забыла стихи былин и передает только содержание. Старины рассказывать любит, от нее слышали рассказ про Илью буквально прошлой зимой. Любопытно, что богатырскую сказку про Еруслана Лазаревича тоже считает „стихом“, стариной и рассказывает не в сказочном стиле, т. е. с богатой обрядностью и стремлением к эпичности, а в стиле современных пересказов былин (не сказка с былинными героями). Ее „Ярославль Лазаревич“ — это очень сжатая передача сюжета, и только сюжета»².

Представим схематично родословную семьи Швецовых, выявленную из этих сведений:

Если от Н. М. Швецова А. Ф. Гильфердинг записал шесть былин³, то его старшей правнучке, Авдотье Григорьевне Вавиловой, были известны три старины из репертуара прадеда (перечислим в порядке записывания): «Три поездки Ильи Муромца»⁴, «Чурила и Катерина»⁵ и «Добрыня и Алеша»⁶.

Временной диапазон между записями А. Ф. Гильфердинга и собирателей МГУ — 88 лет. Тексты Швецова записаны традиционным былинным стихом. В текстах Вавиловой былинный стих сохранился не полностью, повсе-

² АКФ МГУ. ФЭ-03: 5209–5210.

³ «Илья Муромец и Калин-царь», «Три поездки Ильи Муромца», «Добрыня и Алеша», «Иван Годинович», «Хотен Блудович», «Смерть Чурилы».

⁴ АКФ МГУ. ФЭ-03: 5179–5186.

⁵ АКФ МГУ. ФЭ-03: 5186–5189.

⁶ АКФ МГУ. ФЭ-03: 5189–5198.

местно встречаются прозаические вставки, однако ритмическая организация присутствует (хотя и в разной степени) во всех трех текстах. В наибольшей сохранности былинный стих находится в тексте о Добрыне и неудавшейся женитьбе Алеши Поповича.

Далее сопоставим последовательно записи от прадеда и правнучки на уровне композиции и словесных формул.

Содержательная сторона в былине «**Добрыня и Алеша**», исполненной А. Г. Вавиловой, очень близка к тексту Н. М. Швецова — выдержаны практически все сюжетные коллизии: пир у князя Владимира, сообщение об угрозе Невежи, выбор Ильей Муромцем поединщика⁷, диалог Добрыни с матерью, наказ Добрыни жене, обман и принуждение жены Добрыни к замужеству, сообщение Ильи Муромца Добрыне о предстоящей свадьбе, описание пути Добрыни в Киев, узнавание героя матерью, сборы Добрыни на свадьбу, свадьба и эпизод с перстнем, наказание Алеши Поповича. Из элементов сюжета, присутствующих у Швецова, в записи Вавиловой отсутствуют довольно пространный зачин с темой, по определению Т. Г. Ивановой, «панорамы Руси» [Иванова], описание пребывания Добрыни на заставе и конечный фрагмент, описывающий возвращение Добрыни с женой к матери. Интересно, что традиционной былинной формулы, представленной Швецовым в стихах: «*Поехал Добрынюшка во чисто полё. / Стоял на заставы на крепкия*», — у Вавиловой нет. Однако именно с этого исполнительница начала свой текст: «*Добрыня Микитиць издел на заставы на крепкие*». Затем, видимо припомнив, что сюжет начинается по-другому, А. Г. Вавилова заметила: «Наперво-то было...» — и стала сказывать о пире у князя Владимира. Далее *застава крепкая* возникает в ее тексте еще раз: «*Ну, дак он заотправлялся на заставу на крепкую*». Не сохранила исполнительница и скоморошью концовку варианта своего прадеда («*А мы ведь Добрыню в старинах поём, / Ах, дудай-дудай, больше вперед не знай*»).

В остальном варианты Швецова и Вавиловой чрезвычайно близки, что позволяет считать обоснованным их генетическое родство не только в связи с родственными отношениями исполнителей, но и с текстологической точки зрения. Близость их вариантов проявляется и в таких общих оригинальных деталях: жена Добрыни названа Авдотьей Микуличной, исполнители описали бой Добрыни с Невежей⁸, а мать Добрыни узнает сына по «бороздинке»: «*На белом лице была баруздинка*» (Швецов) — «*На правой-то*

⁷ В записи от А. Г. Вавиловой Добрыня назван племянником Ильи Муромца. Это, возможно, показывает устойчивость представления о том, что Добрыня Никитич является «младшим» богатырем.

⁸ В записях А. Ф. Гильфердинга имя Невежи не осмыслено как имя собственное.

	<i>Не ходи ты за Алёшу Поповича, Алёша Попович мне-ка крестный брат, А крестный-от брат паче рбдного».</i>	
О свадьбе Авдотьи и Алеши Поповича	<i>В пятницу было рукобiтьиче, В субботу было у них сватовство, В воскресенье-то у них буде свадебка.</i>	<i>В пятницу-то у их было сватовство, В субботу — рукобiтьиче (так!), А в воскресенье у них уж свадьба.</i>
Путь Добрыни в Кнев	<i>Скачет конь по вёрсты по мерныя, Ископыт по ямы по репныя.</i>	<i>Конь скацѣ по вёрсты по мерные, Изкопыт повылетат по ямы по репные.</i>

Таким образом, при сличении текстов мы наблюдаем стабильность, устойчивость сюжета. Ю. А. Новиков отмечал близость мошинской редакции сюжета к тексту В. А. Суханова, крестьянина-столяра из деревни Пилмас-остров на Пудогге, который утверждал, что «выучился былинам от слепого старика из деревни Волковой Быковской волости в Каргопольском уезде» [Онежские былины, с. 117]. «Оригинальная редакция сюжета, к которой относится текст В. Суханова, зафиксирована на большой территории — от Пилмасозера на западе (неподалеку от Водлозера) и д. Орьяма на востоке (в районе Мошенского озера). Для нее характерна поразительная стабильность вариантов: разделенные во времени и пространстве, они практически не испытали воздействия других модификаций былины, бытовавших в тех же регионах» [Былины Пудогги, 16, с. 998].

К традиционной формуле, завершающей этот сюжет: «*Всякий на свете женится, / А не всякому жонитьба удавается*», — Авдотья Григорьевна добавила: «Так оно и было. Олёше Поповичу не издалось на чужой бабы жониться». Отметим, что эту формулу воспроизвела и ее сестра Татьяна Григорьевна, используя ее как мораль к повести «Про Фрола Скобеича»¹⁰. Отметим, что в мошинской традиции такая концовка встречается и в былинах на сюжет «Добрыня и Маринка» — в записи от Феклы Степановны Савиной (зап. учителем Александром Громовым в Мошенском приходе во второй половине 1870-х гг. и прислана в Русское географическое общество

¹⁰ «*Всяк на свити (говорил Олёша Поповиць) жонитсе, да не всякому жонитьба удава-итсе*» (АКФ МГУ. ФЭ-03: 5057). В белой тетрадке собиратели записали этот фрагмент отдельно, сопроводив комментарием: «Т(атьяна) Гр(игорьевна) слышала былину от своей матери, но нас отослала к сестре Авдотье Григорьевне (...) После этой записи Т(атьяна) Гр(игорьевна) не видела смысла в новой. Этот отрывок использовала как мораль к сказке „Про Фрола Скобеича“».

в составе материалов К. М. Петрова¹¹) и в совместной записи от С. Е. Гаврилова и А. Е. Стахиевой (зап. А. В. Марковым в с. Шалакуша в 1903 г.).

Сюжет «**Три поездки Ильи Муромца**», по мнению эпосоведов, является сравнительно поздним образованием, не оригинален по содержанию, зачастую тексты разных исполнителей содержат стандартные сюжетные коллизии, в них «преобладают типовые детали и формулы, известные по другим эпическим песням» [Былины Пудог, 17, с. 901].

При сравнении композиции текстов Швецова и Вавиловой видно, что вариант последней в большей степени тяготеет к текстам сводного типа: исполнительница включила в него развернутые сюжеты «Исцеление Ильи Муромца» и «Илья Муромец и Соловей-разбойник».

Былина Вавиловой открывается полноценным, хотя и прозаическим, пересказом сюжета об исцелении богатыря. Известно, что в поздних текстах прослеживается тенденция к объединению песен об Илье Муромце в одно произведение сводного типа, которое почти всегда начинается с рассказа об исцелении: без него, по выражению Ю. А. Новикова, «эпическая биография героя получится неполной» [Былины Пудог, 17, с. 807]. Текст Вавиловой в этом смысле не стал исключением.

У обоих исполнителей присутствуют такие эпизоды, как выбор пути (при этом у Швецова герой останавливается перед *бел камнем*, а у его правнучки — перед *столбом*), сражение и победа на первой дорожке, «где убиту быть», встреча с *прекрасной королевицной* — на второй дорожке, «где женату быть». Третьей же дорожки — «где богату быть» — в тексте Швецова нет (в конце текста помета Гильфердинга: «Дальше не знает»), а у Вавиловой сохранилось воспоминание о ней в редуцированном виде: «*И третью дорожку расцистил, где богату быть*». По наблюдению Ю. А. Новикова, «собираателям редко удавалось записывать полноценные тексты этой былины; чаще всего сказители испытывали затруднения с третьей частью сюжета — поездкой героя в ту дорогу, „где богату быть“» [Былины Кулоя, с. 619].

Важным различием двух текстов является то, что у Швецова Илья Муромец на первой дороге сражается с разбойниками («*Наехал стаметников-разбойников / Немало число — сорок тысячей*»), у Вавиловой же этот фрагмент заменен довольно подробным описанием боя героя с Соловьем-разбойником.

Как и в рассмотренном выше сюжете о Добрыне и Алеше, в вариантах «Трех поездок» от Швецова и Вавиловой совпадают словесные формулы.

¹¹ См.: [Пашков, с. 364; Лойтер, с. 103].

	Н. М. Швецов	А. Г. Вавилова
Выбор пути	<p>«А в дорожку-ту ехать — богату быть, В другую-то ехать — женату быть, А во третью ехать — убиту быть». А тут ведь как стар пороздумался, Да в которую дорожку будет ехать: «На что мне-ка, старому, богачество? Я сам-то умру, живот останется, Животом-то владеть будет некому. А почто мне старому жениться? А жениться мне — не нажитися, Худой-то мне взять — не захочется, А хорошая-то взять — так чужа корысть. Поеду в ту дорожку, где убиту быть, А убитому быть и замучену, А души-то со телом быть разлүченной».</p>	<p>«...В первую дорожку ехать, дак убиту быть, а в другую дорожку ехать — жонату быть, а в тре- тью дорожку ехать, так богату быть». Илеюшко тут пораз- думалси, в какую дорожку ехать. «На что мне, старому, богачество? Сам помру, живот останется, Животом владеть будет некому. Пошто, — говорит, — старому жениться? Стару взять — самому увясть, А молодая взять, дак чужа корысть. Поеду, — говорит, — в ту до- рожку, где убиту быть, Где убиту быть, замучену, Душой с телом быть розлүченной».</p>
Дорога, «где женату быть»	<p>Идет ведь толпа красных деушонок. Выходила тут прекрасна королевична, Брала ево за руки за белыя, За те ли за перстни злаченя, Повели ево в высоки новы теремы... <...> А видит Илеюшка Муромец, Он видит, что кроватка фальшивая, Фальшивая кроватка, подломная. Ухватил как он прекрасну королевичну, Да он бросил на кроватку тисовую На ту ли на перину пуховую, Да и в тот час кроватка подломиласе, Упала она во погребы глубокия. <...> Весучия замочки он на руку берет, Подворотенки ногами выпинывал, Отворял он воротца широкия, Побралось там ведь много князей да бояр, Много сильних могучих богатырей. <...> Проклинают всё прекрасну королевичну...</p>	<p>...Настречю ему идёт два полка красных деушонок, и идет тут прекрасна королевична, здоро- вается с Ильём Муровичем, бере его за белы руки, повела в свои высоки терема. <...> А Илеюшка видит, что у ней кроватушка фальшивая. Кроватушка фальшивая да подломистая. <...> Он фатил эту прекрасну короле- вицнү да посередки и двинул на кроватку. У ей пуховики роздви- нулись, упала прекрасна короле- вицна во глубокий погреб. <...> Висучие замоцьки на руцьки брал, Подворотенки ногамы выкидывал. Пошло оттуль там много князей-бояров, Много сильных могучих богатырей. <...> Проклинают прекрасну королевичнү.</p>

Отметим, что у Вавиловой, в отличие от Швецова, присутствует описание погребя «королевицны»:

*В глубину погреб — сорока сажон,
В ширину погреб — двадцать пять.*

(...) По лисвинкам на кажной сажени замки висячие, двири железные да замки навишаны.

В конце былины Вавиловой встречается воспоминание о сюжете «Илья Муромец и разбойники»: *«Он потом издил по той-то дорожке, тут уж я забыла. Розбойники там жил(и), тех всех избил».*

Далее рассмотрим былины на сюжет «**Чурила и Катерина**» (обе они записаны под названием «Смерть Чурилы»).

Сопоставление вариантов от Швецова и Вавиловой показывает, что сюжетная канва в целом остается без изменений: действие происходит на Благовещение (в других традициях — в Петров день, на Воздвижение), былина начинается с характеристики наряда Чурилы, затем описан уход Бермяты в церковь, приход Чурилы к его жене Катерине и их игра в шахматы, сообщение девки-служанки Бермяте об измене жены, возвращение Бермяты домой, диалог Бермяты и Катерины, смерть Чурилы и Катерины. В текстах обоих исполнителей присутствуют такие оригинальные подробности, необязательные в других традициях, как игра Чурилы и Катерины в шахматы и самоубийство Катерины. При этом текст Вавиловой менее насыщен подробностями, некоторые эпизоды редуцированы. Например, всего одним предложением описана игра Катерины и Чурилы в шахматы (*«Играли да поиграли, пьяны напились да пьяны были»*), усеченно и прозаически передана смерть Чурилы (*«Потом он долго не мешкал, саблю схватил да голову срубил Цюрилку Плёнковицю. Она с той тоски взяла булатный нож да на калидор вышла. Да с той тоски подкололась сама»*). Поскольку Вавилова, по-видимому, забыла окончание былины (в конце она переходит только на пересказ), то в ее исполнении отсутствуют свадьба Бермяты и девки-служанки, нет и устойчивой у Швецова концовки: *«А мы ведь Чурила в старинах поём. / Ах дудай-дудай, больше вперед не знай».*

Примечательно, что в варианте Вавиловой появляется вставной эпизод — наказ матери из былины «Добрыня и Маринка»:

*Матушка-то ему наказывала:
«Ходи-гуляй, Чурилошко, по городу по Киеву,
А не ходи-ко ты в заулки Маринкины да Катеринкины.
Там живут курвы-отравщицы,
Отравщицы да зеленщицы,*

Травят-морят сильных могущих богатырев». Он и зашел в Катеринкин-от заулк.

Несмотря на то что сюжет «Добрыня и Маринка» не был записан от представителей этого сказительского рода, можно предполагать, что Вавиловой эта былина была знакома, причем в ее памяти сохранились традиционные для мошинской модификации сюжета формулы «курва-отравщица», «отравщица да зеленщица». Напомним, что на Моше этот сюжет был зафиксирован трижды в конце XIX — начале XX в.

Текстологический анализ показывает совпадение характерных словесных формул у Швецова и Вавиловой и в этом сюжете.

	Н. М. Швецов	А. Г. Вавилова
Описание наряда Чурилы	<i>На ножках сапожки — зелён сафьян, Зелена сафьяну турецкаво, Мудрово покрою немецкаво, Крепково шитья ярославскаво; Около носочка — ячико катить, Под пяту Чурилу соловей пролетит.</i>	<i>Сапожки-то на ножках были, Под носок-то хоть ячико кати, А под пяток-то хоть соловей лети, Крепкого шитья да ярославского, Славного покрою немецкого.</i>
Игра в шахматы	<i>Буде ты меня поиграешь, с меня сто рублей, А как я тебя поиграю, тебя Бог простит.</i>	<i>...Ты на меня наиграешь, Дак с меня сто рублей, А я на тебя наиграю, Дак тебя Бог простит.</i>
Девка-служанка намеревается рассказать Бермяте об измене	<i>А девка ведь ходит, служанка евд, Ходит она девка, стучит да ворчит: «Я пойду к Бермяты, накучю да намучю».</i>	<i>Девка всё по горнице ходит, стучит да бренчит. «Пойду старому Бермяты накучу да намучу».</i>
Приход Бермяты домой	<i>Как раз он побрякал — да нет никово, Другой раз побрякал — да нет же никово, Третьей раз побрякал попуце тово — Высокие тёремы пошаталисе, Маковки со тёремов попадали...</i>	<i>Раз колонулся — ницего не цють, Два колонулся — никого не слыхать, А третий раз попуце колонулся — Все высоки терема пошатилися, Сверху маковки покатилися.</i>
Диалог Бермяты и Катерины	<i>Выходила Катерина дочь Микулична... <...> «Что ты, Катерина, не убрна идёшь?» <...> Проговорит Катерина дочь Микулична:</i>	<i>Потом вышла Катерина доць Микулична. «Что ты, Катерина, не умойная да не уборная?» — «Я, — говорит, — сегодня угорела. Голова болит». А он зашёл: «Что, — говорит, — у тебя за гости? Эту, — говорит, —</i>

<p><i>«Гой еси Бермята сын Васильевич! Угорела я севодня, голова болит...» (...) Пошел он в высоки новы теремы, Увидел на стопке шапочку Чурилкуву: «Эту я ведь шапку на Чуриле видёл». Проговорит Катерина дочь Микулична: «Гой еси Бермята сын Васильевич! У моево родимово у брателка С Чурилом ведь платьицом помёнянось, А добрыми ко́нями побра́танось».</i></p>	<p><i>шапоцьку я видел на Чурилушке». — «Это, — говорит, — моих братиццев, у них поменянось, конями побратанось».</i></p>
--	---

Итак, в текстах на сюжет «Чурила и Катерина», записанных от прадеда и правнучки, прослеживаются некоторые сюжетные изменения. В тексте Вавиловой при сохранности основных эпизодов отмечается редуцирование в описаниях, зафиксировано меньше подробностей действий, имеется вставной фрагмент из другого сюжета.

Таким образом, можно утверждать, что в роде Швецовых существовала устойчивая традиция сказывать былины, сохранившаяся как минимум на протяжении шести поколений: из записей А. Ф. Гильфердинга мы знаем, что дед Н. М. Швецова, Леонтий Игнатьевич, и сын, Василий Николаевич, знали былины, а из биографии А. Г. Вавиловой известно, что она усвоила былины от матери, Настасьи Васильевны. Интересно, что, кроме рассмотренных былин, Ю. А. Новиковым и С. С. Ожеговой был записан от этой исполнительницы также пространный прозаический пересказ повести о Еруслане Лазаревиче (под названием «Про Ярославля Лазаревича»), стилистика которого, как заметили собиратели, близка былинной, а не сказочной. Кроме того, в сохранившихся записях собирателей от Вавиловой записана загадка о ткацком стане.

Былины А. Г. Вавиловой невелики по объему, при этом в двух (из трех), как мы показали, имеются вкрапления из других сюжетов (наказ матери из «Добрыни и Маринки» в «Чуриле и Катерине», контаминация «Исцеления Ильи Муромца», «Ильи Муромца и Соловья-разбойника» и «Трех поездок Ильи Муромца»).

Несмотря на отсутствие записанных текстов — посредников между двумя поколениями, генетическая связь рассмотренных нами вариантов былин Н. М. Швецова и А. Г. Вавиловой очевидна, и она прослеживается на сюжетно-композиционном и словесном уровнях, демонстрируя устойчивость

традиции внутри одного рода. Следует заметить, что Авдотья Григорьевна Вавилова, судя по всему, не просто механически воспроизводила слышанное в семейной обстановке, но и была способна творчески интерпретировать (хотя и не развивать) эпическую традицию. Есть вероятность, что, поскольку исполнительница была грамотной, она могла иметь и другие источники знания былин, однако свидетельств этому нет.

В ее былинах по большей части не сохранился былинный стих, но во многих фрагментах сохранилась ритмическая организация текста. В записях нет указаний собирателей, проговаривались эти фрагменты или пелись, поэтому оценить исполнительское умение Вавиловой в полной мере сегодня невозможно.

В репертуаре ее родной сестры, Татьяны Григорьевны Пинаевой, былины не зафиксированы, но был записан подробный прозаический пересказ духовного стиха «Алексей, человек Божий» («Про Олексиюшка, Божьёго цёловека»¹²), баллада «Князь Роман жену губил»¹³, а также пересказ «Повести о Фроле Скобееве», несколько сказок, песни, поговорки, присловья и др. Несмотря на то что она не пела былин, семейная память об эпической традиции отразилась в других жанрах в ее исполнении. Так, кроме упомянутой уже формулы из былины о Добрыне и Алеше, в ее пересказе стиха об Алексее, человеке Божиим встречаем: «*Прошло у их пированьё да столованьё*»¹⁴.

Исходя из вышеизложенного, констатируем, что в роде Швецовых почти в течение столетия (а согласно биографическим сведениям, и дольше) существовала эпическая традиция, подтверждая тем самым высказывание Ю. А. Новикова: «В районах с земледельческим уклоном (Прионежье, Выгозеро, Кенозерско-Каргопольский край, Моша, Пинега) самые благоприятные условия для этого (усвоения эпических песен. — А. В., С. Ж.) — в семье, в родном селении, где люди постоянно общаются друг с другом, где варианты разных исполнителей обычно близки по композиции и стилю» [Новиков, с. 145–146].

¹² АКФ МГУ. ФЭ-03: 5023–5030.

¹³ АКФ МГУ. ФЭ-03: 5048–5049.

¹⁴ АКФ МГУ. ФЭ-03: 5025.

Ниже публикуются тексты былин, записанные Ю. А. Новиковым и С. С. Ожеговой, участниками экспедиции МГУ, в октябре 1959 г. в д. Большая Орьма Лимского сельсовета Няндомского района Архангельской области от А. Г. Вавиловой¹⁵. Записи представляют собой беловые тетради. При публикации текстов сохранена орфография оригинала, учтены мелкие правки собирателей. Знаки препинания расставлены в соответствии с современными нормами, комментарии исполнительницы взяты в скобки и выделены курсивом. Названия сюжетов даны в соответствии с принятыми в Своде русского фольклора.

Добрыня и Алеша

Добрыня Микитиц издил на заставы на крепкие. (*Наперво-то было:*)

У князя у Владимира

Столованьице-пированьице, почестен пир.

Все на пиру напивались да наедались, да весело сидели. А князь-то Владимир затужился-запечалился. Говорит:

«Пособите мне думушку думати,

Кого отправить на заставу на крепкую?

Надо на заставы стоять ровно шесть годов

Биться с Невежою¹⁶ в чистом поле.

У Невежи есть крилатый конь

Летает эта Невежа по поднёбесье.

(*Тоже уж, видно, был, как ероплан построен.*)

И тут-то Мурович нисколько не задумался, вышел из-за заднего столика:

«А вот мы пошлём моего племянника Добрыню Никитича на заставу, дело надёжное». Добрыню и стали отправлять.

А Добрыня только поженился, живе с молодушкой. Пошел домой не весел, не радостен. Пришёл к кормилице к матушке и говорит:

«Пошто ты меня, мать, такого спородила?

Смелостью — не смелого,

Силою — не сильного,

Красотою — не красивого».

¹⁵ АКФ МГУ. ФЭ-03: 5179–5198.

¹⁶ Имя Невежи в рукописи написано со строчной буквы в первых двух случаях.

Мать и отвечает:

«Ой ты, Добрыня Никитинець,
Я, — говорит, — тебя своим умом да разумом
спородила бы.

Силой в деду Максимильяна Денисовича,
А смелостью-то в деду Илью Муровича,
А красотой в Осифа Прекрасного,
А кудрями-то в царица Кудрияница.
Дак такого бы тебя, молодца, спородила».

Ну, дак он заотправлялся на заставу на крепкую.

«Принеси, — говорит, — мне, матушка,
Платьице сподорожное,
Да принеси шолыгу подорожную,
Надо биться с Невежей во что-нибудь.
У Невежи есть крылатой конь,
Летает Невежа по поднёбесью».

А своей жонушке наказывает:

«Пождёшь ты времяцько-поры шесть годов,
Не придёт ни письма, ни грамотки —
Ты потом хоть вдовой живи,
Хоть взамуж пойди.

А за того за Алёшу за Поповича не ходи.

Мне, — говорит, — Алёша Попович крестный брат,
Крестный брат паче рóдного».

Уехал Добрыня на заставу. Ну, вот прошло времяцька шесть годов.

Не пришло ни письмо, ни грамотко,
Никакое прямое чёлобитьицо.

А потом на Авдотьи Микулицьны Олёша Попович засватался.

Но идти-то ей не хочется,
Но князь Владимир объегорил,
Он стал сватать-оманывать:

«Видел, Добрыня убит лежит.
Вчера поездил с утра до вечера:
Головой лежит в ополонь-траву,
Ногами лежит в цяст ракивов куст».

Ну, вот заходили Авдотьюшку взамуж за Олёшу за Поповича.

В пятницу-то у их было сватовство,
В субботу рукобитьце *(так!)*.

А в воскресенье у них уж свадьба. А Илье Муровичу это не верится. Он оседлал своего добра коня и поехал в чистое поле Добрынюшку проповедывать¹⁷.

Взял он шолыгу подорожную,
Стал коня ошарашивать.
Конь скоцё по вёрсты по мерные
Изкопыть повылетат по ямы по репные.
Доехал до циста поля,
Видит, шатер роскрыт лежит.

Коня привязал, зашёл в этот шатёр, а тут Добрыня Микитиць отдыхает. Как исхитрился, у этого Невежи крылья сожёт да убил, победил. Он стал здороваться: «Здорово, — говорит, — любезный племянничек». — «Здравствуй, дорогой дядошка».

«Твоя-то Авдотья Микулицьна взамуж пошла
За того-то за Олёшу за Поповича.
Вот тебе, Добрыня, вестоцька не радостная.
И князь её обневолил.
Авдотью выгораживае:
Идти ей не хочется».

Добрыня Микитиць долго с дедюшкой не разговаривал, оседлал своего добра коня да брал тоже шолыгу подорожную, да начал коня ошарашивать.

Конь скацё по вёрсты по мерные.
Изкопыть летит по ямы по репные.
Приехал домой к кормилице-матушке.

Колонулся, она вышла, отложила от ворот и не узнала. Стала спрашивать:

«Чей ты, добрый молодец?
Коей земли да коей орды?»

А он говорит: «Матушка, напой, накорми, а потом расспроси». Она посадила за стол, стала кормить и опознала: на правой-то щоки была бароздовинка. И узнала, кто приехал. И стала опять обсказывать: «Вот тебе, Добрыня Микитенець, весть нерадостна: твоя-то Авдотья Микулицьна взамуж пошла, за того-то за Олёшу за Поповича. Идти-то ей не хочется. (*Тож ея выгораживае.*) А приневолил князь Владимир идти».

Он говорит:

«Неси-ко мне платьницё скоморошную.
Неси, — говорит, — гуслица самопелые,

¹⁷ Вероятно, ошибка при переписывании, надо: *попроведывать*.

Неси шолыгу подорожную.
Я пойду на Авдотьину свадьбу».

А у их у князя у Владимира столованье ведётся в полатах, к венцу похода дак. Он приходит.

Поклон дёржит на все цётые стороны,
На все стороны цётые поклоняется,
А Авдотье Микульцьне на особинку.
Никто тому не пытается,
А Авдотья доць Микулицьна сдогадается.
Князю Владимиру игра поглянулася.
«Надо, — говорит, — игрока посадить за стол.
Вот тебе место возле меня,
А другое тебе место супротив меня садись,
А третьё тебе место — куды хошь садись».

(*На волю давайё.*) Он нашёл место против Овдотьи Микулицьны. Сел на скамейку, невеста налила ему чару зелена вина и поднесла с поклончиком. Он взял из вина вино, да с руки своей перстень опустил в царку, которым с ий обручилсе, и обратно подал ей царку с вином и приговорил таково слово:

«Пить до дна, так видать добра,
А не пить до дна, так не видать добра».

Она приняла царку зелена вина, выпила, перстень выкатила. Взяла перстень, положила на руку, да через стол к нему, к Добрыне Никитичу, скоцила. Проговорила таково слово:

«Не тот мне-ко люб,
Кто возле меня сидит.
А тот мне люб,
Кто супротив меня сидит».

Да через стол и перескоцила.

А Добрыня долго не разговаривал, фатил Олёшу Поповича за желты кудри да бросил на печку на кирпичну, начал шолыгой охорашивать жониха, пошло тут Олёше уханье да оханье. И проговори́л Олёше таково слово:

«Всякий на свете женится,
А не всякому жонитьба удавается».

Так оно и было. Олёше Поповичу не издалось на чужой бабы жониться.

Три поездки Ильи Муромца

Илья Мурович сын Ивановиць, не ходил никуды, сидня сидел ровно тридцать лет. В селе-то было Карачееве, во городе Киеве. У князя Ивана Тимофеевича был Илья Мурович, сидня сидел, не владел ни руки, ни ноги.

Тридцать лет сполнилось. Родители ушли полосы в поле чистить, пахать, а к нему пришли калики перехожие. «Илеюшко, — говоря, — нам создай-ко милостинки». — «Не могу стать: не владею ни ручки, ни ножки». Они потом говоря: «Протяни праву-то ручку». Ручку протянул — ручка завладела, другую протянул — другая завладела. «Ноженьку-то праву протяни». Протянул — ножка завладела. Другую протянул — другая завладела. Дал им хлибця.

Потом спросили, говоря: «А Илеюшко, принеси-ко нам кваску напиться». Илеюшко сходил, кваску начедил чашку. «Выпей-ко сам, — говоря, — наперво, Илеюшка». Илеюшко квасу чашку выпил. Они у него потом спросили: «Какую ты в себе силушку поимел?» — «А, — говорит, — как бы кольцо в сырой земли матушке, всю бы поворотил». Они посмотрели, говорят:

«Надо отбавить силушки половиночку, нынь порато много». Отбавили силушки половиночку. Да их и не стало. Ушли от него калики.

Он пошёл в полюшко к родителям. Мать встречает, смотрит, говорит: «Там как вроде наш Илеюшко идёт». Отец говорит: «Где нашему Илеюшке хаживать, как тридцать лет с места не саживал!» Потом Илеюшка пришёл к ним. Деревинку какую зафатит — да со всем корнем и выдернет, полосу скоро разроботали.

Потом стал у отца коня просить. «Поеду, — говорит, — в Киев-град из сила». Расстояние-то тут было порядочное. Ехал по дорожке по пути, на дорожке столб стоит, подпись подписана, в какую дорожку идти-ехать: в первую дорожку ехать — дак убиту быть, а в другую дорожку ехать — жонату быть, а в третью дорожку ехать — так богату быть. Илеюшко тут пораздумалси, в какую дорожку ехать:

«На что мне, старому, богатство?
 Сам помру, живот останется,
 Животом владеть будет некому.
 Пошто, — говорит, — старому жениться?
 Стару взять — самому увать,
 А молодая взять — дак чужа корысть.

Поеду, — говорит, — в ту дорожку, где убиту быть.

Где убиту быть, замучену,
 Душой с телом быть розлученой.

Поеду, — говорит, — по той дорожке, где убиту быть».

А ехал по пути да по дорожке, а тут Соловей-разбойник жил, в дубу сидел, людей свистом убивал. Свистнё Соловей — дак человек убитой. Свистнул Соловей — конь на колени упал. Он коня изругал:

«Ой, конь, травяной мешок,
Не видел ты, конь, да бабья поперду,
Не слышал ты соловьиного посвисту».

Потом он натягивал свой тугой лук, натягивал стрелу каленую в Соловья-разбойника. Прямо в правый глаз стрельнул. Вот Соловей скатился к стременам, к стременам к коню привязали. Он повез его в Киев-град.

Привёз к князю Владимиру, тут все насобирались князья-боера, посмотреть Соловья, да надоть послушать, как он свистал. Тут он приказал Соловью: «Свистни, — говорит, — хоть не во весь свист, а в полсвиста». Князя с княгиней своей шапкой прикрыл. Соловей рыкнул — все князья-боера упали, валилесе. «Ну вот, — говорит, — хорошо свистнул». Вызнял его выше головы да бросил оземь, Соловья убил. Тут пораспрощался с князьями-боерами. «Поеду, — говорит, — в тут дорожку, где жонату быть». Тут росчистил дорожку, по которой тридцать лет не бывано. Подпись поднавливал.

Поехал по той дорожке, где жонату быть. Ехал по пути да по дорожке, настречу ему идёт два полка красных девушек и идет тут прекрасна королевицна, здороваётся с Ильём Муровичем, бере его за белы руки, повела в свои высоки терема. Напоила-накормила его хлебом, угостила сладкой водкой. Потом надо отдыхать. «Ложись-ко, — говорит, — отдохни на кроватку».

А Илеюшка видит, что у ней кроватушка фальшивая, кроватушка фальшивая да подломистая. «Ложись-ко ты наперьво, а я на край с тобой». Она не ложится. Он фатил эту прекрасну королевицну да посередки и двинул на кроватку. У ей пуховики роздвинулись, упала прекрасна королевецна во глубок погреб.

Выкопан у ей под кроваткой погрёб,
В глубину погреб — сорока сажон,
В ширину погреб — двадцать пять.

Он пошёл проведывать, что там у ей в погребе есть. По лисвинкам на каждой сажени замки висячие, двири железные да замки навишаны.

Висучие замоцьки на руцьки брал,
Подворотенки ногамы выкидывал.
Пошло оттуль там много князей-бояров,
Много сильных могуцих богатырей.
Все спасают Илью Муровича,
Проклинают прекрасну королевицну.

Потом стали они её отграивать. Выкопали ей ясны оци, да посадили на добра коня, да отправили её в цисто поле женихов встречать.

Он поехал, опять на столбе подпись поднавливал: «Росцистил, — говорит, — путь-дорожку, где жонату быть, тридцать годов езжали жонихи, назад не верталися».

Он потом издил по той-то дорожке, тут уж я забыла. Розбойники там жил(и), тех всех избил. И третью дорожку расцистил, где богату быть.

Чурила и Катерина

Во городе во Киеве
Ходил-гулял Чурилко сын Плёнковиц
Обрядной, нарядной был, хороший порато.
Сапожки-то на ножках были:
Под носок-то хоть яичко кати,
А под пяток-то хоть соловей лети,
Крепкого шитья да ярославского,
Славного покрою немецкого.
Мамушка-то ему наказывала:
«Ходи-гуляй, Чурилошко, по городу по Киеву,
А не ходи-ко ты в заулки Маринкины да Катеринкины.
Там живут курвы-отравщицы,
Отравщицы да зеленщицы,
Травят-морят сильных могущих богатырев».

Он и зашёл в Катеринкин-от заулок. Она увидела его да окном его запустила. Тут дело было в Благовещенску заутрену. Хозяин был старый Бермята, ушёл к Благовещенской заутрене. Тут была девка-служанка. Она ёго созвала в те свои высоки хоромы, окошком выздынула и говорит:

«Давай в шашки играть,
Ты на меня наиграешь,
Дак с меня сто рублей,
А я на тебя наиграю,
Дак тебя Бог простит».

Играли да поиграли, пьяны напились да пьяны были. Девка всё по горнице ходит, стучит да бренчит: «Пойду, старому Бермяты накучу да намучу». Пошла туды в церковь:

«Батюшко, поди домой.
Старой Бермята, у тебя, — говорит,
Гость гостит на дому.
Много гостит да много пакостит».

Вот Бермята идёт домой, а ворота закрыты у жоны.
Раз колонулся — ницего не цють,

Два колонулся — никого не слышать,
А третий раз попуще колонулся:
Все высоки терема пошатилися,
Сверху маковки покаталися.

Потом вышла Катерина доць Микулицьна. «Что ты, Катерина, не умой-ная да не уборная?» — «Я, — говорит, — сегодня угорела. Голова болит». А он зашёл: «Что, — говорит, — у тебя за гости? Эту, — говорит, — шапоцьку я видел на Чурилушке». — «Это, — говорит, — моих братьлицев; у них поменянось, конями побратанось». — «Эти сапожки на Чурилушке видел». Она опять ему лгёт: «С моими братьями поминянось».

Потом он долго не мешкал, саблю схватил да голову срубил Цюрилку Плёнковицю. Она с той тоски взяла булатный нож да на калидор вышла. Да с той тоски подкололась сама.

Литература

- Былины Кулоя — Былины: В 25 т. СПб.: Наука; М.: Классика, 2011. Т. 6: Былины Кулоя / Изд. подгот. Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов. 922 с. (Свод русского фольклора).
- Былины Пудог, 16 — Былины: В 25 т. СПб.: Наука; М.: Классика, 2013. Т. 16: Былины Пудог / Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, А. Ю. Кастров, Ю. А. Новиков, Т. А. Новичкова, Е. И. Якубовская. 1063 с. (Свод русского фольклора).
- Былины Пудог, 17 — Былины: В 25 т. СПб.: Наука; М.: Классика, 2014. Т. 17: Былины Пудог / Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, А. Ю. Кастров, Ю. А. Новиков, Т. А. Новичкова, Е. И. Якубовская. 951 с. (Свод русского фольклора).
- Гильфердинг — *Гильфердинг А. Ф.* Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Неожские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 1. С. 29–83.
- Иванова — *Иванова Т. Г.* Тема «панорама Руси» в русских былинах // Русская классика: Сб. ст. к 85-летию со дня рождения и 60-летию научной деятельности чл.-кор. РАН Николая Николаевича Скатова. СПб.: Росток, 2017. С. 45–70.
- Костюхин, Новиков, Смирнов — *Костюхин Е. А., Новиков Ю. А., Смирнов Ю. И.* Архангельская фольклорная экспедиция 1959 года // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7: Филология, журналистика. 1960. № 1. С. 85–87.
- Лойтер — *Лойтер С. М.* Петров Константин Михайлович // Русские фольклористы: Биобиблиогр. словарь. XVIII–XIX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. Т. 4: П — Софронов А. В. С. 101–104.
- Новиков — *Новиков Ю. А.* Сказитель и былинная традиция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 376 с.
- Новиков, Смирнов — *Новиков Ю. А., Смирнов Ю. И.* Северные экспедиции кафедры фольклора Московского университета (1956–1959 гг.) // Советская этнография. 1960. № 4. С. 162–168.

- Онежские былины — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 3. 671 с.
- Пашков — Пашков А. М. К. М. Петров — исследователь Вытегорского края // Вытегра: Краевед. альм. Вологда: Русь, 1997. Вып. 1. С. 351–374.

References

- 'Byliny Kuloya' (2011), in: *Byliny*. 25 Vols. (Svod russkogo fol'klora). Saint Petersburg: Nauka; Moscow: Klassika. Vol. 6, 922 p.
- 'Byliny Pudogi' (2013, 2014), in: *Byliny*. 25 Vols. (Svod russkogo fol'klora). Saint Petersburg: Nauka; Moscow: Klassika. Vol. 16, 1063 p.; Vol. 17, 951 p.
- Gil'ferding, A. F. (1949). 'Olonetskaya guberniya i ee narodnye rapsody', in: *Onezhskie byliny, zapisannye A. F. Gil'ferdingom letom 1871 goda*. 3 Vols. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 1, 29–83.
- Ivanova, T. G. (2017). 'Tema "panorama Rusi" v russkikh bylinakh', in: *Russkaya klassika: Sbornik statei k 85-letiyu so dnya rozhdeniya i 60-letiyu nauchnoi deyatel'nosti chlena-korrespondenta Rossiiskoi akademii nauk Nikolaya Nikolaevicha Skatova*. Saint Petersburg: Rostok, 45–70.
- Kostyukhin, E. A., Novikov, Yu. A., Smirnov, Yu. I. (1960). 'Arkhangel'skaya fol'klornaya ekspeditsiya 1959 goda', *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya VII, Filologiya, zhurnalistika, 1, 85–87.
- Loiter, S. M. (2019). 'Petrov Konstantin Mikhailovich', in: *Russkie fol'kloristy: Biobibliograficheskii slovar', XVIII–XIX veka*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 4: P — Sofronov A. V., 101–104.
- Novikov, Yu. A. (2000). *Skazitel' i bylinnaya traditsiya*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 376 p.
- Novikov, Yu. A., Smirnov, Yu. I. (1960). 'Severnye ekspeditsii kafedry fol'klora Moskovskogo universiteta (1956–1959 gody)', *Sovetskaya etnografiya*, 4, 162–168.
- Onezhskie byliny, zapisannye A. F. Gil'ferdingom letom 1871 goda* (1951). 3 Vols. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 3, 671 p.
- Pashkov, A. M. (1997). 'K. M. Petrov — issledovatel' Vytegor'skogo kraja', *Vytegra: Kraevedcheskii al'manakh*. Vologda: Rus'. Vol. 1, 351–374.